

Кащенко

Селія курців
благочинств

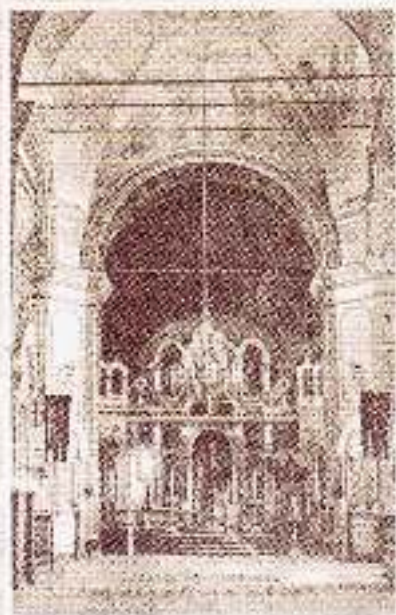

Слобода Бутурлиновка

Преображенский храм.

Слобода Бутурлиновка.
Внутренний вид
Преображенской Церкви

...мая животоворящая основа благотворительности - осознание потребности помогать другим.

Во все времена состоятельные люди понимали, что благополучие - это ответственность перед народом, потому старались помочь тем, кто нуждался в заботе и внимании. Мотив их благотворительной деятельности - православная этика и патриотизм.

Слева направо:
Александр Васильевич,
Иван Васильевич,
Алексей Васильевич

... семья Кащенко славится своим участием в делах милосердия и благотворительности. В слободе Бутурлиновка Воронежской губернии на их средства был сооружён Преображенский храм с изумительным по художественному уровню мраморным иконостасом.

Внутреннее убранство собора поражает своим великолепием. Иконостасы и все киоты мраморные, резные, работы итальянских мастеров. Альфрейные работы и роспись стен, отделанных пол мрамор, выполнялись московскими рабочими. Иконы были «академической работы в византийском стиле». По новой моде было устроено даже центральное отопление.

Иконостас же и киоты изготовлены на средства пожертвованные сыновьями Василия Михайловича Кашенко - Алексеем, Александром и Иваном. Несмотря на превратности судьбы, времена воинствующего атеизма, в храме чудом сохранилась закладная доска, представляющая собой большую плиту из светлого мрамора. На ней золотом высечены имена тех, кто принимал активное участие в сооружении этого храма. Среди них и имена братьев Кащенко.

Крупные средства поступали от них для голодающих в неурожайные 1891-1892 годы и для нужд Красного Креста в русско-японскую войну. Немало средств было передано ими в различные благотворительные учреждения, а также для развития народного образования и культуры. Далеким не всем кушам была свойственна такая щедрость. Жили купцы Кашенко в слободе Бутурлиновка Воронежской губернии. Их усадьба располагалась в центральной части слободы.

Здание заводоуправления

Начало фирме было положено делом владельцев Михаилом Андреевичем Кащенко. Дело это успешно развивалось и ещё при жизни деда распространилось по Дагестанской области и Кавказу.

Василий Михайлович Кащенко

Василий Михайлович Кащенко представлял собой человека с ярко-выраженной русской натурой, инициативой и глубоким умом.

Наряду с развитием кожевенного производства он поставил и развивал хлебное дело. Воспитывая с раннего возраста в своих сыновьях Алексея, Александра и Ивана самостоятельность и любовь к труду, отец нашёл вскоре в них деятельных помощников. Так, Алексей уже в 14 лет выезжал на лошадей самостоятельно по делам отца в Ростов и на Кавказ. В 1886 году скончался Василий Михайлович, по при жизни своё дело он перешёл сыновьям. Они, руководствуясь принципами отца, продолжали вести его по пути дальнейшего развития. Фирма «В.М. Кащенко и сыновья» имела несколько паровых мельниц, маслобойных заводов в различных городах России, свыше 50 отделений по покупке и продаже хлеба, занималась экспортом. Братья Алексей и Александр являлись крупными деятелями в коммерческом мире. В то же время они принимали активное участие в делах общественной и частной благотворительности и в деле народного образования. Глубоко почитая свою православную церковь, в твёрдых правилах которой выросли с детства, братья выстроили в родной слободе в память своего незабвенного отца церковь по точному образцу храма Христа Спасителя. Таким образом они присоединили сокровищницу к памятникам Русской церкви и русского искусства.

Формирование этого промышленно-жилого комплекса проходило в несколько этапов.

Во второй половине 19 века был построен двухэтажный жилой дом.

В конце 19 - начале 20 века к нему от дома выстроен производственный корпус с заводоуправлением, мастерскими и небольшим кузнечным цехом. Главный торжественный фасад смотрит на площадь.

**Василий Михайлович Кащенко
(18..- 1886 г.г.)**

Алексей Васильевич Кощенко

После смерти отца в 1886 году старостой хрими вплоть до революции 1917 года стал Алексей Васильевич. Он был самым старшим из трёх сыновей Василия Михайловича.

Алексей Васильевич не забывал о народном образовании. С 1888 года он состоял попечителем Бобровской гимназии. Здание этого учебного заведения было выстроено на его средства. За особые заслуги перед городом Бобровым он был избран почётным гражданином. В воздаяние заслуг перед отечественной торговлей и промышленностью Алексея Васильевича пожаловали званием потомственного гражданина.

У Алексея Тихоновича Докучаева есть рассказ, в котором он описывает один случай из жизни Алексея Васильевича Кощенко.

Алексей Васильевич Кощенко
1852 - 1935 г.г.

В конце 19 века в Воронежской губернии Бобровского уезда в селе Большой Мартын жил Прокофий Иванович Рыбов - знаменитый силач. Псевдоним его Проня Мартыновский. Однажды пришлось Проне схватиться с иностранцем борцом Маором, который часто побеждал не силой, а подкупом и мошенничеством. Так случилось и с Проней. Первый раз Проня Мартыновский победил соперника. Оскорбленный тщеславный Маор нагребонал новой встрече. На этот раз он уговорил Проню согласиться на ничью, за что обещал дать ему 100 рублей. Так и поступили.

Когда встреча борцов закончилась ничью, Проня пришёл за деньгами, но Маор отказался платить.

Разстроенный обманом Проня вернулся домой и взялся за плотницкое дело, в работе стараясь забыть о неприятном случае, паглом обмане. Дни шли за днями, работа спорилась.

Как-то на стройку заехал очередной заказчик - купец из Бутурдиновки. Говорили, что у него в центре слободы огромный двухэтажный дом, своя паровая мельница, большие склады, успешно идёт торговля зерном и кожевенными товарами. Рассказывали, что это именитый в слободе купец А.В. Кощенко, меценат и благотворитель. Он спросил у строителей, не желают ли они поработать у него в Бутурдиновке - дел там много, хватит всем. Особое внимание купец обратил на Проню, зная, что он выступал в цирке, состязался с Маором. Купец любил цирк, особенности последнего посещения знал хорошо и возмущён был несправедливостью соперника Прони. Разговор купца о заказе явился лишь поводом сблизиться с силачом. А.В. Кощенко сказал ему, что по своим торговым делам ездил в Харьков и что там выступает борец Маор. Он хватается всем, что в Воронеже на турнире победы Проню Мартыновского.

Проня сначала не поверил словам купца. Обиды снова накатили на него, но тогда купец показал привезённую из Харького афишу

- Это же неправда! - вскричал Проня.

- Я сам знаю, что неправда, - подтвердит А.В. Каплетко, - но в Харькове об этом никто не знает. Поелом туда и докажем, всестановим справедливость. Проня начал отказываться, ссылаясь на нехватку денег на дорогу, простой в работе.

Купец твёрдо заверил, что все расходы берёт на себя, и Проня согласился на поездку. Приехали в Харьков, а там по песму горосту расклеены афиши, извещающие о выступлении сильнейшего человека мира Маора. Купец с Проней взяли билеты в ширк и устроились там на галёрке. На огороженном кашатом помосте самоуверенный Маор одного за другим вокупировал соперников. Наконец судья объявил о том, что, если кто-то хочет сразиться с чемпионом на русских кулаках, пусть выйдет и даст расписку, чтобы в случае смерти никому не винить.

Неожиданно из залпих рядов поднялась могучая фигура Проня, и он басом проговорил: «Я желаю сразиться. Я дам расписку. Только пусть и Маор подпишется»

Проня Мартыновский вышел на сцену. Его появление привело противника в смятение. Зал замер в ожидании интересного поединка. Бросили жребий. Первым досталось наносить Маору. Проня встал вполборота, закрыл сердце рукой. Мощный удар содрал его тело, от которого у него сломалось ребро и вдавилась грудь. Проня пошатнулся, но устоял. Превозмогая боль, он готовился нанести ответный удар. Маор стоял перед ним, наклонив нёрёл свой мощный лоб. Собрав всю силу могучего организма в один кулак, бошарь удрился противника прямо в лоб, и тот рухнул на пол бездыханный. Теряющего сознание Проню отпратили в госпиталь, где за ним ухаживала сестрелка. Купец тем временем улаживал, чтобы закрыли упоминание о нем. Это ему удалось сделать. После выздоровления они вместе поехали в Бездуринку к кушу.

Александр Васильевич Кашенко
1855 - 1918 г.г.

Александр Васильевич Кашенко

Хлеб - основа всех основ. Так было и так будет всегда, пока на земле живут люди. И Ставрополье всегда было одной из богатейших житниц России. А коль край хлеборобов, то значит и мукомолов.

В Георгиевске и его окрестностях мельниц и крупорушек было много всегда: крупных и мелких, доходных и не очень. Ими владели Агаба-оглы-Гулиев, Мокроротов, Новиков, Папчекян, Свирин, Школенко, Калмыков, Пашков, Василинин, Яшиков, Куптарев, Шширев, Барабин, Колтов. В самой Незлобной прочно обосновались Ляскин, Белов, Ершов, Горохов, братья Скобелевы, Подковыров. И это ещё не полный перечень. Так что конкуренция была нешуточная.

В таких условиях только человек волевой, неподкупного характера, отважился бы сделать ставку на Незлобную и быть уверенным в том, что победит соперников и оставит позади конкурентов. Именно такими людьми и оказались братья Кашенко: Александр, Алексей и Иван Васильевичи, в лице которых представлена знаменитая фирма - одна из крупнейших на Северном Кавказе и юго-востоке России «Торговый дом Кашенко и сыновья».

У каждого из братьев была четко определенная сфера деловых интересов. Александр Васильевич вёл свои дела на Кавказе, от южных его границ до Ростова. Именно за этим именем - история развития мукомольного дела в ст. Незлобный. У торгового дома Кашенко образовался солидный капитал, а деньги должны работать - этот закон был понятен всем предпринимателям. Недаром они говаривали: «Деньги на леньгах растут». Кашенко стало известно, что в Незлобной одной из мельниц владеет купец Ляскин. Был он стар и бездетен. То ли потому, что не имел наследников, то ли по природе был таков - к большому обогащению не стремился. Увидев хозяйство Ляскина, Кашенко просто интуитивно почувствовал: это его. Дело, которое он задумал, сулило немалые выгоды. Мельница Ляскина его заинтересовала постольку-поскольку. Что в ней проку? Так, мелочь, пустячок. Не о таком размахе зашивал Александр Васильевич. Загадывал, всё точно рассчитав и обосновав. «За» было более чем достаточно, против лишь одно: невиданное упрямство Ляскина. Но не таков был Кашенко, чтобы отступать от намеченного. Он задал себе вопрос: чего может хотеть старик на 70-м году жизни? Разве что спокойной обеспеченной старости. А когда на тебе забота о деле да ещё и помочь некому, разве это спокойствие?

Осшив так, Кашенко вокруг да около ходить не стал, к делу перешёл сразу: «Сколько вам нужно денег, чтобы не нуждаться ни в чём до конца жизни?» Не ожидавший столь откровенного вопроса и мощного напора старик, потерявшись поначалу, пелу тем не менее назвал многократно превышающую истинную стоимость его мельницы. Столь многократно, что даже пог прошиб - до того, что сам перепугался: не потерять бы покаялся. И запричитал по-стариковски: «Не приведет Бог в пужду пасть на старости лет без опоры и делить...». Кашенко ясно видел всю стариковскую хитрость. Но интуиция и чутьё подсказывали: здесь скупиться нельзя. Всё окупится - Бог за труды не оставил. Кашенко поднялся, направившись к выходу. У Ляскина тоскливо завью внутри: перестраивал. И тут Кашенко, как будто ставя точку в давно решенном деле, сказал: «Ну что же, если только о том тревож, то ни в чём пуждаться не будете...». В 1905 г. Ляскин подписал необходимые документы на передачу мельницы новому хозяину. Кашенко с головой ушёл в дело. Капитал заработал. Но не только. Разве можно сдвинуть дело без труда, предприимчивости, энергии, горения? Народ, в мудрости которому не откажешь, давно подметил: «Без умной головы и денег - черепка», а ума богатством, как известно, не купишь. Это сейчас при упоминании миллиардных капиталов вспоминают в первую очередь неумеренное питье, кутежи и самоутрестно. Но когда полнакомпились с традициями русского купечества, перестаёшь сводить их жизнь только к битью стекла в трактирах да разгульным тройкам с пылажами. Не без того, конечно, являли подчас и крутой «здрав», да и то правду скажут: нельзя поднять серьёзное дело без характера. Чего-чего, а характера Александру Васильевичу было не занимать.

Перво-наперво нужно было найти специалистов для осуществления своих замыслов. Лучших специалистов. При таких капиталах, связях и авторитете Кащенко это себе позволить мог. Обратился к знающим людям. Те порекомендовали инженера Ивана Петровича Коваленко, получившего прекрасное образование в Петербурге. К тому же почти земляк - уроженец станицы Марьинской. Кащенко пригласил инженера на беседу. Разговор вёл сам, не поручив это никому другому. Уж он-то умел разбираться в людях. Он должен был лично убедиться, кому доверяет сделать проект детинца. Кащенко подвёл инженера к Подкумку:

- Хочу, чтобы мельница стояла здесь, только вода замучает при строительстве. А это мил человек, пусть будет моей заботой! Я очень на тебя надеюсь, Иван Петрович!

- Постараюсь оправдать доверие, Александр Васильевич. Но затраты предстоят большие.

- Так и дело, брат, затеваем не шутейное. Хочу, чтобы ты спроектировал мне мощную мельницу.

- И какую бы мельницу вы хотели? Кащенко смотрел вдаль. Коваленко откровенно залюбовался им. Статен, вальяжен, лицо мощной полковой лешки. Крепко стоящий на земле хозяин, сильный умением основательно делать дело своей жизни, от воодушевления весь горит. Уже видит её, мельницу свою. Вот и сейчас, похоже, даже вопроса не расслышал.

- Какую, говоришь? - словно оступился Кащенко.

- На века, Иван Петрович, на века. И никак иначе. На другую, не обессудь, не соглашусь. Потому как истинно верую и повторять не перестану: пока стоят мельницы, будет стоять Россия. Так что скажешь?

- На проект уйдет не менее года.

- А меня это вполне устраивает.

Но рукам. В затратах не скупитесь, хотя и шиковать тоже не стоит. Богатство - оно берсжливостью прирастает. Однако задаток хоть сейчас готов вышлатить.

- Пет. Александр Васильевич, расчет по результатам будет.

- Ну, изволь, как желаешь. Тогда Бог в помощь, работай. Да только и мис. задание дай.

- Помилуйте, о чём речь?

- Сколько для строительства требуется материалов, шпал, рельсов? Я этим займусь...

Обсудив всё, расстались. Вскоре к Кащенко пожаловали гости - станичный атаман Тугаринцев со товарищи. И местное казачество решило: после Ляскина взять своё с пришлого. Атаман от имени станичного общества выдвинул требования к застройщику: построить двухэтажную школу, 3 моста через Подкумок, дорожную мостовую от мельницы до Георгиевка. Говорил атаман, а сам смотрел на купчину да умихался про себя: уж заставим мы тебя мощну потрясти, дух займётся! Да не тут-то было. Кащенко даже бровью не повёл. Сказал так, словно сам принимал решение: «Ну что ж, дела нужные и бывшие. Я принимаю ваши условия». Атаман зашепестел бумагами: так-то вернее будет, с бумагой надёжнее. Кащенко нахмурил брови и сказал с обидой: «Не привык я, чтобы в моих словах сомневались. Слово моё - купеческое». Всё выполнил Кащенко, как и обещал. Знал: добрая слава - тоже капитал. Местным щедрость Кащенко представлялась не то причудой, не то диковинкой. Чудно, непривычно. Откуда им было знать, что семья Кащенко всегда славилась своим участием в делах милосердия и благотворительности.

ам Александр Васильевич был почётным почителем Бобровской гимназии, как и Воронцово-Александровской прогимназии, ремесленного училища в Ставропольской губернии, почитателем Будурлиновского мужского двухклассного училища. Награждён за обширную деятельность званием коммерции советника. Он был ещё и почётным миропитом судьей Ставропольской губернии, а также пожалован почетным гражданством. Словом, те хозяева жизни за делами и о душе помыслили, и о себе не забывали.

С 1906 г. как и уговорились, приступили к строительству. Незлобная нацелилась потревожить улей. Многие были вовлечены в крутоворот строительства. Сначала вбили тысячи дубовых свай, встопили на них армированный рельсами бетон. Квадрату корпуса вели 50 квадратных метров, на каждую из которых приходилось по 3 подобных рабочих. Строительство вели, как бы мы сейчас выразились, комплексно. Подрядчиком строительства стала крупная прландская компания. Среди специалистов были немцы, латыши, поляки. Рабочую силу набирали в столице Цезлобной и близлежащих населённых пунктах. Оборудование завозилось из Германии и Швейцарии. Транспортное хозяйство было доставлено из Лодзи (Польша). Всё это закупалось у солидных фирм, таких, как «Бюллер», «Бромтей».

В конце сентября 1908 г. мельница выдала первую продукцию. Производительность её, по проекту, 150 тонн муки в сутки по 12 сортам помола. Дело Кашенко процветало, имя гремело за пределами Кавказа. Мука «кашенковского размола» в силу высокого качества стала своего рода визитной карточкой Цезлобной. За Кашенко прочно закрепилось прозвище «миллионщик». Впрочем, Александр Васильевич богатства не скрывал. К его чести следует заметить, что продукция была конкурентоспособной, обязательства он умел держать твёрдо, на достигнутом не останавливался, на лаврах нежиться не любил. За что ни брались - делал основательно. Честь купеческая поручительством была. Умён был, сметлив. Недаром из купеческой среды вышла поговорка: «Была бы догадка, и денег будет кадка».

Воронцово-Александровская прогимназия (школа № 1).

Первый выпуск Воронцово-Александровской ремесленной школы (около 1902 г.)

Незлобинский молкомбинат.

Незлобинский молкомбинат. Служащие мельницы. около 1910 г.

Кашенко Александр Васильевич
и Алексей Васильевич

Кашенко мог уловить перемены, обнаружить новые тенденции, изучить спрос и удовлетворить его по высшему разряду. Полной мерой ему были отпущены коммерческая одарённость, удивительное чувство рынка. 1 января 1912 года широко отмечалось 25-летие Торгового дома Кашенко. Поздравила Кашенко и конкурирующая фирма «Товарищество Антон Эрлангер и К».

Текст столь показателен, что невозможно не привести его полностью:

*«Высокоуважаемые Алексей Васильевич и Александр Васильевич!
Успоминяю 25 лет Вашей плодотворной торговой и промышленной деятельности. Созданные в крае, призванные воспринять нагала русской культуры, Ваши предприятия с истинно оправдали эти нагала. Мукомольное производство, фабрично-заводская промышленность, экспорт хлеба и прочие предприятия на шире Кавказа, на Дону, на Волге и в далёком Закавказском крае ярко говорят о богатейшем размахе Ваших начинаний. Всё, что ни коснулось Ваша творческая энергия, наряду ещё с делами просвещения и благотворения, запечатлено ярким свидетельством широкой русской предпринимчивости, выдающейся коммерческой истинности, нагалами гуманности и неколебимости, присущей Вам особой душевностью. Всё Ваш мощный порыв, в его широком размахе, восстаёт во весь рост в этот торжественный день пред нашими глазами и будит в нас невольную дань истинно уважения к его творцам и вдохновителям. Исполню Вам, высокопоставленные Алексей Васильевич и Александр Васильевич! В истинном уважении перед всем совершённым Вами, лично кланяюсь Вам и от души желаю неиссякаемой энергии, роста и мощи всему вызванному Вами к жизни.»*

Комментарии, как говорят в таких случаях, излишни. Признание конкурентов дорого стоит! К юбилею Торгового дома в честь Кащенко были учреждены две стипендии для учеников 1-й московской школы мукомолов; стипендии имени Кащенко были учреждены также для учащихся Бобровской мужской гимназии и Воронцово-Александровской прогимназии. В юбилейном адресе, подписанном 150-ю служащими Юго-Восточного отделения и 200-ми служащими Северо-Кавказского отделения Дома, содержатся очень добрые слова в адрес хозяев. Добрую память оставил о себе Александр Васильевич Кащенко и в станице Незлобной. До сих пор стоит школа, здание заводоуправления, клуб комбината размещается в здании, построенном Кащенко для больницы. Об этом существует такая история. В последние годы Кащенко жил больше в Петербурге. Хотя имел особняки и в Воронцово-Александровском, и в Георгиевске. В Незлобной управлял его племянник. Ему и поручил Александр Васильевич, заботясь о здоровье своих рабочих, строительство больницы. Племянник, в силу своего разумения, её построил. Когда Кащенко увидел это здание, то только и смог сказать: «Что же ты меня опозорил таким сооружением!» Расстроился сильно, а как узнал, что племянник со строительства приворовывал, впал в необычайную ярость: «Да если тебе деньги были надобны, так исужето я тебе не дал бы их, обратиться ты ко мне с просьбой! Ох ты, из родни, да не в родню». Велел поднимать фаэтон и даже отужинать не остался. Больно уж осерчал от того, что был вансён урон его имени.

Кащенко не забывал угостить детей сладостями на церковные праздники, а то и денежкой одарить. Взрослым в эти дни выдавали муку, мясо, вина. Если свадьба у его рабочего или ребёнок родился - тоже. Себе и управляющему зарплату положил строго определённую и сравнительно невысокую. Одарённых умел заманить, лептяев не жаловал. На этот счёт строг был, но справедлив. Существует несколько персий его последних дней, по ни одной в духе «так ему и надо, кровопийцу». По одной из персий, он умер в Воронцовке, и рабочие на руках несли гроб с его телом до железнодорожной станции (очень, заметим, неблизкое расстояние), откуда он был отправлен на родину, в Бутурлиповку. По другой, представлявшейся крайне переадной в период «диктатуры пролетариата», но тем не менее, имеющей место, рабочие не дали комиссарам новой власти учинить расправу и даже охраняли его. Следуя этой легенде, в 1924 г. Кащенко с женой уехал в Киеловодск, где через год и умер. Епѣ рассказывает, что один из его сплотовей в период Великой Отечественной войны разыскал наших солдат, находящихся в Иране, и найдя среди них ставропольцев, стал расспрашивать о судьбе своих мельниц. Любости и знорадства не проявлял, но и доки скрыть не смог. Прощаясь сказал: «В будущем России для нас нет места, но в прошлом её была и наша земля». Вряд ли сын знал, что его отец в чём-то переключается с ошовским.

После национализации мельницы Кащенко был задан вопрос: «Вы, вероятно, не строили бы мельницу, если бы знали её судьбу?» Он ответил: «В прошлом я ничего не потерял, я потерял в будущем».

Отголосок печального развития российской истории. В том-то и беда наша российская, что людей, умеющих выстраивать страну, зачастую лишают будущего в ней. Хотя, по логике вещей и по справедливости, именно у них, умеющих достойно жить, должно быть достойное будущее. И Родины. Потому что судьбою своею и жизнью, делами, а не цветистыми фразами, они доказали, что умеют её любить.

Супруги Кащенко занимались благотворительностью, были попечителями двух училищ в селе Воронцово-Александровское, а 1899 году они построили один из красивейших домов, разбили парк.

Вот как повествует об этом историк Людмила Ивановна Федулова.

Дом Кащенко
г. Зеленокумск

В городе Зеленокумске есть одно выдающееся по своим художественным достоинствам здание. Вы, наверно, уже догадались, что это так называемый "дом Кащенко". Тот, где располагается музыкальная школа, ЗАГС.

Построен дом почти сто лет назад как особняк, то есть благоустроенный дом городского типа для одной семьи. Он является ярким примером тех высот, которых достигла отечественная архитектура в южно-русской провинции на рубеже веков. К сожалению, автор этого замечательного сооружения, сочетавшего в себе уют жилого дома и пышность дворца, неизвестен. Но то, что он обладал незаурядным талантом и большой профессиональной выучкой, не вызывает сомнений. Вероятно, имя его следует искать среди архитекторов конца XIX - начала XX века, работавших в Ставрополе. Но это дело будущего, и со временем мы, вероятно, узнаем эту тайну. Землю для постройки дома Александр Васильевич Кащенко купил у Фёдора Шевченко. Дом Кащенко строился, когда верхнего парка, наполнившего центр Зеленокумска зеленью, тенью, щебетом птиц, не было. И мощный объём здания имел большой диапазон обзора, поражая красотой и разнообразием своих фасадов. Теперь всё выглядит иначе, и всё же здание оставляет сильное впечатление.

Особенно выразителен главный восточный фасад с мощным угловатым выступом центральной части - ризалитом и более обтекаемым полукруглым - эркером - на углу. И ризалит, и эркер отмечены балконами. В ризалите расположен парадный вход, поэтому на уровне второго этажа он особенно наружен декоративным убором, основные мотивы которого почерпнуты из арсенала русской классики. Выход на балкон обрамляет стройные высокие полуколонны композитного ордера, они несут полукруглый, раскрепованный по углам фронтон, который служит своеобразной пицей для двух пухленьких, обнажённых младенцев. Сидя на карнизе фронтона, они поддерживают картуш в виде овала с лавитками. Завершает композицию аттик - довольно высокая стенка над карнизом здания, повторяющая сложные очертания ризалита. Эркер, освещенный вытянутыми по форме окнами, проходит по всей высоте фасада. Благодаря оригинальности его двухъярусного завершения с чешуйчатым покрытием и шишем, дом Кащенко легко определить среди городской застройки.

На сегодня это единственная архитектурно оформленная вертикаль города, хорошо читающаяся даже с холмов. Когда-то, вступая во взаимодействие с завершениями церковных сооружений, теперь утраченных, она подчёркивала стелющийся характер ландшафта села Воронцово - Александровского, придавая ему неповторимо русский, несколько сказочный характер.

С севера дом Кащенко подобен огромному кораблю, выходящему из тенистого парка навстречу правобережной части города. Здесь по вертикали его членил только небольшой выступ и плоский ризалит с треугольным фронтоном, в котором выложена дата постройки - 1899 год. Эти членения соответствуют внутреннему делению здания на три зоны - парадную, жилую и хозяйственную. Ризалит отмечает и место чёрного входа, расположенного со стороны дворового фасада. Хозяйственная часть сохранилась кирпичной. Остальные фасады оштукатурены.

Угловой эркер с балконом

Балкон над парадной дверью

Фронтон над выходом на балкон (парадный вход)

Северная сторона здания

Ризалит с фронтоном
северная сторона с датой постройки (1899 г.)

Кружные квадраты с гладкой поверхностью, которыми дополнительно обработаны восточный и северный фасады, подчёркивают их воздушную роль в композиции здания и обогащают его поверхность игрой светотени. Парадные помещения группируются в головной части дома вокруг вестибюля с лестницей на второй этаж. Здесь параллельно главному фасаду идёт сквозной ряд из трёх комнат. Это личные покои бывших хозяев дома. Самая большая комната в правом углу здания, теперь разгороженная на две, принадлежала, конечно, самому Кашенко. Смежная служила приёмной. А вот кто жил в сравнительно небольшой комнате с красивым лепным потолком и с выходом в эркер, до недавнего времени, во всяком случае для меня, оставалось загадкой. Воображение роевало почему-то образ молодой красивой женщины. Но конкретных сведений о семье Кашенко практически не сохранилось. Узнать некоторые из них мне помог случай.

Как-то вечером, во время семейного ужина, наш разговор незаметно перешёл на трудное послевоенное время, когда мои родители были вынуждены завербоваться и уехать на Сахалин. Вы, паперное, заметили, что во время таких разговоров слышанное уже не раз приобретает порой неожиданный смысл, благодаря новым подробностям и нюансам рассказа. Так случилось и на этот раз. Вдруг выяснилось, что на Сахалине мои родители познакомились с сыном Кашенко, и он даже бывал у них в гостях. Любопытство моё разгорелось. Мне хотелось узнать и какой он был, и кем был, и были ли у него дети. Отец рассказал, что звали его Андрей. Был он 1901 года рождения, то есть во время их знакомства, а это происходило в 1951-1952 годах, ему исполнился пятьдесят один год. Шатен, высокого роста, он был всегда тщательно выбритым и аккуратно одетым. Служил где-то адвокатом. В Южно-Сахалинск, где жили родители, приезжал по делам. Фамилию носил Погорелов и о прошлом никогда не рассказывал. Но от хозяина, у которого родители снимали квартиру, отец знал, что это "сын самого богатого в Воронцовке человека - Кашенко".

Хозяина квартиры и сына Кащенко связывали давние отношения. Работая на Сахалине в конце 30-х годов судьёй, последний осудил его за прогул на год принудительных работ, что по тем временам было обычным делом. Потом они встретились, сошлись и, когда их знал отец, уже дружили, даже праздники иногда встречали вместе. Во время одного из таких общих застолий сын Кащенко подошел к отцу и спросил: "А что, дом Кащенко в Воронцовке ещё стоит?" - и добавил, - Там, где выступ на углу, была моя комната". Вскоре родители с Сахалина уехали и никогда больше о сыне Кащенко ничего не слышали.

На другой день после разговора я зашла в дом Кащенко, поднялась на второй этаж и прошла в "комнату Андрея". Теперь здесь библиотека музыкальной школы, а вход в эркер закрыт, там кладовка. И всё же она показалась мне особенно уютной и красивой. Быть может, потому, что я узнала кое-что о человеке, который провёл здесь лучшие годы своей жизни - детство и юность. Это он выходил в эркер и на балкон, чтобы охватить взглядом широкую панораму родного села с рекой, церквями, бульжной мостовой и холмами вдали. И картина эта согревала его сердце всю жизнь.

Закончив строительство дома, Кащенко задумал прилежащую территорию превратить в сад для прогулок и развлечения местной знати. Купец выписал садоводов из самой Германии, и неапатичными пенпами он был разбит в срок и славился красотой и стилем посадки на всю округу. Естественным освещением сада были лунные блики, просвечивающие сквозь листву деревьев, поэтому с наступлением ночи посетители покидали сад. На его территории имелся театр под открытым небом. Теперь сад стал общедоступным местом для простого народа и получил название Нижнего парка. А театр кушда на долгие годы превратился в летний кинотеатр для жителей города и стал называться «Весна».

Звук роля.

Время постепенно стирает из памяти людской различные события, образы тех или иных людей. Но об этом нам всегда напоминают книги, архивные документы, архитектурные памятники. Вот ещё одна художественная зарисовка Елены Гелиной, являющаяся связующей нитью между прошлым и будущим.

Нроступившись и выйдя из постоянного двора, журналист из Санкт - Петербурга Семён Васюков сразу же окунулся в пёстрый громкоголосый мир ярмарочных лавок. Торголя развернулась прямо в центре села, на площади. Именно здесь кипела жизнь местных жителей, здесь были их главные интересы, здесь результаты труда выражались в конкретную величину выручки от произведённого товара.

Торговая площадь с. Верный. Александровское.

Семён не спеша прошёлся по торговым рядам, беглым взглядом окинул ряд мелких китайских лавочек, но, как заворожённый, остановился возле амбаров, расположенных у рынка. Из них прямо на землю высыпалась пшеница. Она струилась и искрилась под ярким солнцем, как бы нежась под ним. Трудно было оторвать взгляд от этого золотого потока, который обладает некой притягательной силой, и вокруг него кинулось немало народа. Были среди них и покупатели, и просто попрошайки, которых отгонял бойкий приказчик. Что-то привлекло его к молодому мужчине, который молча стоял возле амбара, не покупая, но и не прося.

Приказчик обратился к Семёну и, узнав, что он журналист из "Петербургских ведомостей" и здесь проездом, тут же куда-то убежал. Вскоре к Васюкову подошёл молодой человек, представился сыном хозяина амбаров и пригласил его на ужин.

Дом, куда пригласили журналиста, заметно выделяется из всех окружающих базарную площадь. Он был двухэтажным и всем своим видом показывал, что над его созданием трудились нешлохой архитектор. И хотя дом был, несомненно, провинциальный, прослеживались элементы европейского стиля.

Вечером, когда Семён пришёл в гости, хозяин дома удивил его своей незаурядностью. Местный магнат - "король золотого зерна" - держал в своих руках торговлю, управлял капиталом и жизнями своих домочадцев. Он интересовался столичными новостями, занимательными поличками, особенно "живыми картинками". Его неподдельный интерес к этой стороне жизни невольно увлёк журналиста, и за беседой он как-то забыл о том, что перед ним - представитель того слоя общества, что так осуждается и презирается разпочинным столичным кругом, в который входил сам.

После великолепного ужина гость вышел в сад, присел на скамейку у небольшого фонтана, расположенного почти под окнами здания. Отсюда было видно, как хозяева из столовой на первом этаже перешли в гостиную второго этажа, окна которой были раскрыты.

От раздавшихся вскоре первых аккордов Семён даже вздрогнул: настолько они необычно звучали здесь, в далёкой стороне. Мелодия была не сложной, но очень трогательной и прелестной. А может быть, впечатление от игры усиливали почвой сад, уютный аромат цветов, дыхание сухой южной ночи? И отступили воспоминания прожитого дня, забылась громкохлостца дневного базара и вечерних питейных домов. Молодому человеку представлялось, как здесь, в этом саду, скачет на лошади по утренней росе прекрасная женщина, как весело бегут по дорожкам дети. И весь мир - только этот сад, дом и звуки музыки в ночной тишине.

"Я слушал звуки рояля в далёкой южной глуши", - напишет он позже в своей истринской газете и назовёт место, в котором увидел элементы городской жизни, - село Воронцово - Александровское. И имя владельца дома тоже будет сохранено. Дом переживёт своих хозяев.

Первой покинёт его женщина, что играла на рояле. А потом и остальных бури социальных лихолетий раскидают по всему свету. Но прислушайтесь: дом хранит в своём камешном сердце звуки той далёкой музыки, что звучала в нём когда-то. Она живёт в нём, не всеми слышимая, но без неё он бы давно уже рухнул, просто не смог бы выстоять. Всечасами вместе с садом дом погружается в воспоминания, деревья перешептываются со старыми стенами. И им кажется, будто что-то прекрасное ждёт их впереди...

С тех пор и вплоть до наших дней дом Кашенко неоднократно менял своих хозяев. Как правило, это были различные административные учреждения. И всегда их было несколько сразу. Каждое стремилось приспособить доставшуюся ему часть здания под свои нужды, что привело к значительным искажениям его внутреннего и внешнего облика. Почти все жилые комнаты, имевшие форму, близкую к квадрату, были разгорожены на ряд длинных и узких помещений, нередко с коридорами. Это изменило некогда простой и гармоничный (по своей планировке) интерьер.

Надстройка обширной террасы, так украшавшей когда-то дом и подчёркивавшей его усадебный характер, совершенно изменила рисунок дворового фасада. Отсутствие одного хозяина, который бы по-настоящему заботился о красоте и сохранности вверенного ему здания и, что немаловажно, обладал бы достаточными для этого средствами, привело к поистине плачевным результатам. Дом Кашенко не только потерял свой парадный облик: медленно, но верно он превращается в старика. В этом здании живёт сама история. Оно выстояло в гражданскую и Отечественную войны. Сейчас в нём разместились музыкальная школа и ЗАГС.

В этом плане дому Кащенко повезло - внутри здания чистота и порядок. Но всё же у всех на глазах здание теряет свою архитектурную красоту. Фасад утратил белокаменный блеск. Со стороны двора была красивая веранда с резными столбиками; причудливые узоры по дереву замаскированы окнами. В нашем городе много мастеров по дереву, и беседку можно восстановить - совсем по-другому будет смотреться и все здание. На кафельном полу нет отдельных плит, их заменил цемент.

Окрашены половой краской прекрасные дубовые двери. Перила на мраморной лестнице утратили чугунные кружевные оюры, они заменены столбиками. Но осталось несколько штук чугунных, их можно использовать как образец и восстановить былую красоту лестницы.

Фасад, правда, белят. Но традиции русского классицизма, которым следовал архитектор, создавая своё детище, требуют, чтобы чисто белыми здесь были только детали, а всё остальное - другого цвета.

Об этом свидетельствуют и нижние розовые слои краски, проступающие кое-где на штукатурке. Дом требует восстановления в первоначальном виде. Хотя бы приблизительно. И дело это такое же святое, как и восстановление храма.

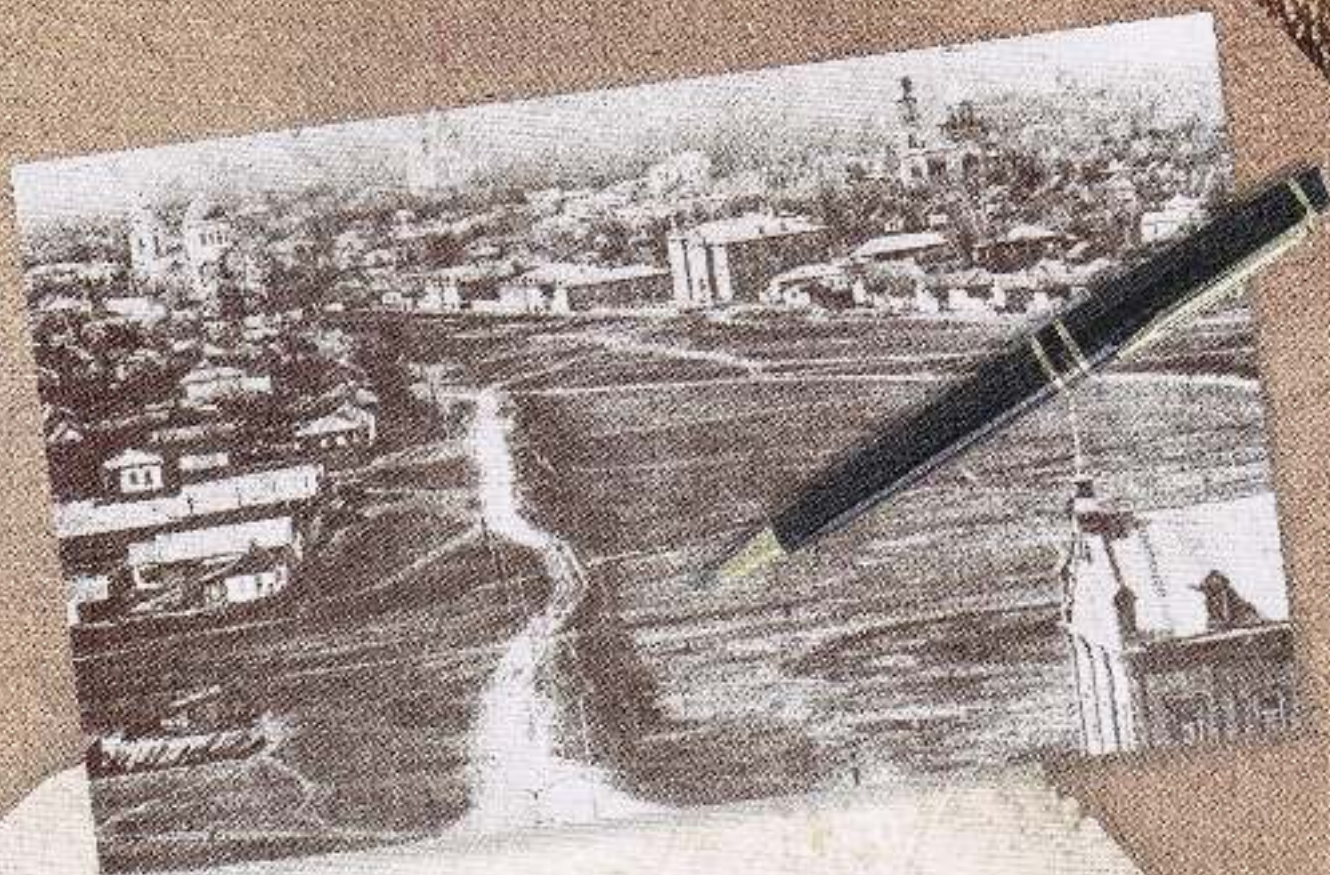
Есть люди, которые помнят его прежний впечатляющий вид. Есть и в городском музее фотография дома Кащенко тридцатых годов. Короче говоря, источники информации имеются. Дело за желанием. Словом, нужна инициатива, нужно пачинание, а народ в стороне не останется, поможет собрать с миру по нитке. Глядишь - и сбержём прекрасное златие для себя, для детей наших.

Цель этой книги - рассказать о наших русских купцах, которые, занимаясь благотворительностью, помнили старинную народную мудрость: «Бог даёт богатство и обязательно за него спросит». Догорие друзья! Давайте вместе задумаемся, какой «отчёт» они имели в виду. Надеемся, что людей которые захотят сделать доброе дело, внести лепту для сохранения здания и парка в надлежащем виде, станет чуточку больше. И они решат стать меценатами не ради собственной славы, а ради сохранения отечественной культуры.

Литература:

1. Кащенко купцы // История русских родов.
2. А. Т. Докучаев из сборника «Земляки» рассказ «Проня Мартьяновский»
3. Журнал «Исторический образ» Паша Ильичева - рассказ «Миллионщик»
4. Газета «Патронаж нашей жизни» 14 октября 1992г. Л. И. Федулова «На грани упадка»
5. МКУК «ЦБС» «Париц» г. Зеленокузск
6. Газета «Патронаж нашей жизни» 11 апреля 1998г. Елена Гелина - рассказ «Звук ряда».
7. Газета «Патронаж нашей жизни» 6 августа 1991г. Татьяна Зубкова «Дом который хранит историю»

Словно лучом нарисован
светиться каждый куст...
Он ведь давненько основан.
Город Зеленокумск!
Была Воронцовкой когда-то,
Графской деревней «повинной»:
Мазанки, серые хаты
Из самана да из глины.
Площадь Базарная, сеньки,
Храп лошадей по лопушам.
Звуки рояля и скрипки
В доме богатом, в гостиной.
Дом и сейчас сохранился,
Тихо живет - поживает.
Только наряд изменился,
Музыка тоже другая...

И. Данчук

Книга увидела свет, благодаря поддержке
Сергея Владимировича Разгульева

Автор
составитель: **Вера Константиновна Чехецкая**
Художественное
оформление: **Елена Борисовна Самойлова**
Корректор: **Надежда Васильевна Азарян**
Фотоработы: **Федор Владимирович Колосов**